

Дарья Калинина

Миф-паф,
прекрасная
маркиза!

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иронический детектив (Эксмо)

Дарья Калинина

Пиф-паф, прекрасная маркиза!

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Пиф-паф, прекрасная маркиза! / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
2016 — (Иронический детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-699-92991-7

Лучший способ найти мужа – ввязаться в какое-нибудь расследование, желательно с молодыми свидетелями, мудрым следователем и богатым подозреваемым, который окажется ни в чем не виноват. Важная деталь: все кандидаты в мужья в этой криминальной истории должны быть неженатыми. Не очень хорошо, конечно, рисковать собственной бабушкой, которую случайно могут убить, пока вы присматриваете суженого, но здесь вся надежда на расторопных полицейских и отсыревшие патроны в пистолетах преступников. А если вместе с мужем еще и клад получится найти, как вышло у Василисы, тогда сразу из кабинета следователя одна дорога – под венец!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92991-7

© Калинина Д. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дарья Александровна Калинина

Пиф-паф, прекрасная маркиза!

© Калинина Д.А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Если к черному дню старательно готовиться, он обязательно настанет. Но почему-то об этом часто забывают и старательно готовятся к тому, чего во что бы то ни стало хотят избежать.

Будучи человеком жизнерадостным, Василиса всегда с оптимизмом смотрела в будущее. Этак жилось куда веселее. Но, несмотря на веселый характер, пугающие мысли нет-нет, да и заглядывали и к ней.

Василисе уже давно стукнуло двадцать пять, возраст, который она да и все вокруг считали критическим. И за плечами у Василисы было неудачное замужество и развод. И полное отсутствие каких-либо перспектив в плане детей. А детей Василисе хотелось. И обязательно много, и чтобы и мальчиков, и девочек. И мужа нормального хотелось. А пуще всего хотелось большой и дружной семьи. Чтобы братья, сестры, дяди, тети, племянники и племянницы.

Раз у самой родни почти нет, одна старенькая бабушка, да и та каждую весну уверяет, что эта уж точно для нее последняя, придется Василисе искать себе мужа, богатого на родню. А вот с этим делом у Василисы не очень-то получалось, и с каждым прожитым днем надежда на приобретение такого рода богатства становилась все призрачней. Все приличные кавалеры давно переженились и теперь смиренно сидели при своих половинах. Свободными гуляли те, кто до сих пор никому не приглянулся. Василисе таких подбирать не хотелось.

Иной раз она даже шутила по этому поводу:

– Стану старая, даже воды подать будет некому.

Хотя она еще с детства помнила анекдот про старика, который говорил своей старушке-жене: «Вот прожили мы с тобой всю жизнь, мучились, конечно, но я все думал, что не зря с тобой страдал. Все думал, помирать стану, стакан воды мне жена все-таки подаст. А теперь вот, похоже, пришел мой час, помираю я. И знаешь, пить что-то совсем не хочется».

Зря, в общем, мучился мужик, не пригодилось.

Конечно, Василисе так прожить жизнь совсем не хотелось. Но по-иному не получалось. Иногда от этого становилось очень грустно.

Но на этот случай Василису еще бабушка всегда предостерегала:

– Все дурные мысли из головы мигом вон гони. Не дай им там корни пустить. Только сунутся, а ты их крестом! Крест святой, он человеку от любой беды лучшая подмога. Труд честный и крест праведный – вот что всякому человеку для спасения в жизни надобно.

Василиса считала бабушку человеком верующим, ведь у нее даже в советские годы была в доме икона. Правда, одна-единственная, да еще потемневшая от времени до такой степени, что невозможно было даже разобрать, что за святой на ней изображен. Сама бабушка всегда утверждала, что на иконе святой Никола.

– А потемнел он ликом от грехов людских.

Получалось, что бабушка у Василисы была верующей, хотя в церковь никогда не ходила. Сначала просто не было в их селе церкви. Колхоз и большой коровник, который давал заработок доброй половине поселка, был. Клуб, в котором по выходным дням показывали кино, а по праздникам еще и танцы устраивали, тоже имелся. И даже главную дорогу председатель колхоза, пока был этот колхоз, успел асфальтом покрыть. И уж вовсе невиданное дело для глубинки – тротуары по обеим сторонам проезжей части проложить тоже успел, чтобы люди хоть по выходным дням могли почувствовать себя белой костью.

– Председатель у нас был человек заботливый, – рассказывала бабушка Василисе, которая и не помнила те дни, потому что родилась уже после развала Союза. – Все для людей, себе ничего. Чтобы воровство или взяточничество – такого позора за ним отродясь не водилось. Честный был человек, всем бы начальникам такими быть.

Как вернулся председатель с войны совсем молоденьким капитаном, погоны снял, так и тянул лямку. Бабушка еще обычно прибавляла: хорошо, что до нулевых годов председатель не дожил, не увидел, как все им устроенное по ветру разлетается, пришлыми, а то и своими же разворовывается и по дворам растаскивается.

– Тащили, казалось, что много, – смеялся над соседями дед Пахом, служивший при колхозе сторожем и в жизни не взявший даже ржавого гвоздя из чужого забора. – А как принесли, да разложили, да оглянулись, уже и нет ничего. Стоят, в затылках чешут. Как такое случилось? Куда же все делось? А я вот в сторожах всю жизнь, всякого повидал. И одно вам скажу: на чужое не зарься! Потому как ворованное, оно никогда и никому на пользу не идет. Сколько всякого за свою жизнь насмотрелся, а такого, чтобы ворованное к прибытку пошло, еще не видел. Между пальцами утечет, не уследишь, не поймешь, куда что и делось. А вот стыд и срам за сделанное навсегда с вами, ребята, останется.

Но разве кто его слушал? Разве вообще кто-то мудрых стариков слушает, особенно если эти старики всю жизнь были простыми сторожами? Людям хотелось успеть утащить побольше, пока было, чего тащить. Казалось, так можно отсрочить неизбежное. Но вскоре и тащить стало нечего и неоткуда. И времена наступили совсем уж беспросветные. Не стало колхоза, где всегда можно было разжиться какой-нибудь приятной для жизни мелочишкой. Не стало на селе работы. Не стало и жизни.

Кто-то из селян подался на заработки в большие города и там сгинул. Кто-то остался и стал гнать самогонку, а потом уже ею – черную тоску с души. Конец у этих оставшихся был тот же, что и у тех, кто уехал. Кто-то просто тихо умер, никуда не уезжая, не шумя и не безобразничая. Вот как теперь готовилась поступить бабушка Василисы.

И, собравшись в дальнюю дорогу, откуда возврата нет, она позвала к себе единственную внучку. Проститься.

Услышав в трубке слабый бабушкин голос, Василиса расплакалась. А бабушка, словно и не услышала ее слез, знай, свое твердит:

– Приезжай, внученька. Сказать мне тебе кой-чего напоследок надо. Может, пара дней осталась, может, пара часов. Лучше поспеши. Тайну тебе поведать нужно.

– Ты что такое говоришь, бабушка? Какую тайну?

– Душе моей в путь давно пора, а тайна ее держит, не отпускает. Поторопись, внученька, тошно мне тут сидеть. Давно должна была в путь двинуться и тайну тебе перед отъездом рассказать, да все откладывала, вот и дотянула до крайности. Приезжай скорей, чтобы я с легкой душой в дорогу отправилась.

Василиса и без этой просьбы примчалась бы к ней. Едва услышав о дальней дороге, в которую собралась бабушка, Василиса сразу поняла, о чем речь. И заметалась по квартире:

– Бабушка умирает!

Так уж случилось, что бабушка была единственным близким ее человеком. Ни отца, ни матери Василиса не помнила. Ее и вырастила бабушка, которая не жалела сил, чтобы дать внучке хорошее образование. Хотя какое оно там хорошее, в их глубинке? Но золотую медаль в сельской школе Василиса получить сумела и поэтому поехала в Питер учиться дальше. Выучилась, вышла замуж, развелась, снова вышла замуж, снова неудачно, но разводиться не стала, стыдно было перед бабушкой, которая и первый-то ее развод перенесла с трудом.

А вот теперь оказывается, что совсем скоро можно будет снова разводиться со спокойной душой. Бабушка об этом уже не узнает, потому что голос у нее совсем слабенький и какой-то такой далекий, словно она живет не в двухстах километрах от Питера, а за многие десятки тысяч, уже где-то совсем в других местах, откуда и связи-то с миром живых толком не бывает.

Едва положив трубку, Василиса забежала по квартире, собирая вещи, которые могут ей пригодиться в дороге. Был уже вечер, но ждать до утра она не могла. Ничего, ночью поезда тоже ходят. Доберется как-нибудь. Но что взять с собой? Неизвестно, на сколько она едет. Значит,

нужна одежда. Удобная обувь. Лекарства для бабушки. Посмотрев на пакетик с лекарствами, который она машинально собирала, Василиса чуть снова не расплакалась. Какие уж там лекарства, если врачи дают бабуле от нескольких дней до пары часов. Не помогут уже никакие таблетки. И уколы не помогут. Вообще ничего не поможет.

Мужу Василиса даже не стала говорить, куда едет. Артем спал, приняв дозу своего излюбленного успокоительного – виски, и будить его Василиса не стала. Вряд ли он вообще заметит ее отсутствие, даже когда проснется. А если и заметит, так ему и надо. Пусть поломает голову, куда она исчезла. Пусть поволнуется. Может, повернется тогда у него в голове что-нибудь в правильную сторону. Захлопнув за собой дверь, Василиса закинула на плечо дорожную сумку и легко сбежала по ступенькам лестницы вниз.

Билет на вокзале ей удалось купить сразу же. Ее там словно ждали. И в кассу очереди не было. И поезд отходил всего через полчаса. Все так удачно сложилось, что Василисе даже стало казаться, что она успеет застать бабушку еще живой.

В дороге Василиса отвлеклась от мрачных мыслей. Она давно заметила, что в дороге вообще все неприятности переносятся как-то легче. Даже сердечная скорбь уступает под натиском новых впечатлений. Не случайно лучшим средством от депрессии или любовной хандры считается путешествие.

В общем, тосковать в дороге Василисе не пришлось. Неведомый дух, сопровождавший ее от дома, не оставил. Василисе удалось всюду успеть, даже если приходилось запрыгивать в отходящий транспорт в последнюю минуту.

Сначала она примчалась на вокзал, потом запрыгнула в поезд, потом пересела на автобус, а потом на попутке добиралась уже до дома бабушки. Было еще совсем раннее утро. На улицах было темно, но Василиса все равно попросила шофера высадить ее на центральной площади, от которой до дома бабушки надо было пройти пешком.

– А не боитесь? Темно. И фонари через один горят.

– Чего мне бояться? Я в этих местах выросла. Если какие злодеи и встретятся, исключительно свои, родные. Меня они не тронут.

И, закинув сумку на плечо, Василиса помахала шоферу и бодро зашагала вперед. До бабушкиного дома еще четверть часа хода, но тем лучше. Будет время, чтобы проветрить голову и собраться с мыслями перед встречей. В дороге-то все некогда было, а теперь на свежем воздухе и в ночной тишине самое оно.

Вот главная улица поселка, уходящая от памятника Ленину к бабушкиному дому. Никому здесь и в голову не приходило, что от памятника надо избавляться. К нему просто привыкли, он стал как бы частью пейзажа. Да и особой неприязни к Ильичу беспринципные люди в поселке тоже не испытывали.

Конечно, приход к власти большевиков нельзя назвать легким временем для нашей страны. И царя Николая с царицей Александрой они расстреляли. И мальчишку их – царевича Алексея – не пожалели. И девчонок, великих княжон, Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию, тоже загубили. Вечный большевикам позор.

Но народ наш незлобив, простили Ленину с его воровской шайкой и это.

Василиса и так шла нога за ногу, оттягивая страшный момент, а тут и окончательно притормозила. Что-то странное почудилось ей нынче ночью. Она встала неподалеку от Ленина, который сердито взирал на нее со своего возвышения. Он явно тоже не одобрял легкомысленное поведение Василисы. Вместо того чтобы строить светлое будущее для всей планеты, личной жизнью увлекается, милочка, вот что читалось в его глазах.

В предрассветных сумерках лицо вождя пролетариата выглядело жутковато. Черты лица стали резче, глазницы совсем потемнели, и рука Василисы сама собой потянулась осенить себя крестным знаменем. Но не донеся руки до лба, Василиса окаменела. С памятником творилось нечто невероятное. Он начал двоиться!

У него вдруг выросла вторая голова, потом появилась третья рука, а затем обозначились еще две дополнительные ноги. Причем эти ноги и руки вели себя очень странно, они не стояли ровно, а дрыгались и активно обвивались вокруг двух других ног и рук, ведущих себя очень прилично, как и подобает конечностям памятников.

– Мамочка! – прошептала Василиса.

На обеих ленинских головах были кепки, одеты двое вождей тоже были одинаково – помятые мешковатые брюки и расстегнутый плащ. Один Ленин остался стоять на своем обычном месте, зато второй прыгнул на землю и двинулся в сторону автостанции. Шел он неторопливо, явно никуда не спешил. Заложив руки за спину, он по-хозяйски поглядывал по сторонам. Трудно было сказать, доволен призраком увиденным или нет. Того светлого будущего, которое дедушка всех октябрят пророчил стране, тут не случилось. Но зато и разруху, в которую Ильич и его пособники в итоге завели страну, тоже удалось ликвидировать.

– Что же это делается? – прошептала Василиса, наблюдая за прогуливающимся по площади вождем мировой революции.

Владимир Ильич внимательно рассматривал три стоящих в Карповке каменных двухэтажных здания, в одном из которых находился магазин и единственное в поселке кафе, в другом – администрация, а в третьем почта и все прочие сопутствующие жизни россиянина инстанции вроде паспортного стола, нотариуса, жилищно-эксплуатационной службы и прочих.

Фасады всех трех зданий были недавно приведены в порядок. Светло-персиковый, нежно-розовый и лазурно-голубой – эти цвета приглянулись администрации больше остальных.

Возле здания администрации, выкрашенного в голубой цвет, Владимир Ильич остановился и сделал неприличный жест, а потом смачно плюнул и вроде как даже выругался. Стараясь прогнать морок, Василиса зажмурилась и ущипнула себя за руку. Это помогло. Когда она снова открыла глаза и взглянула в сторону администрации, там уже никого не было.

Призрак памятника Ленину исчез, словно его и не было. Второй Ленин продолжал стоять на своем месте. Василиса с опаской взглянула на него. Конечно, она понимала, что человек это непростой, но чтобы настолько! И ведь бабушка не раз говорила, что в Карповке в последнее время происходит что-то неладное, но Василиса думала, что это речь о вороватости чиновников или о чем-то в этом роде.

– Святой боже, спаси меня, – прошептала Василиса на всякий случай. – Чертовщина какая-то.

Рысцой двинулась прочь от страшного места, то и дело оглядываясь, не преследует ли кто.

Вряд ли у Ленина была причина преследовать ее лично. Да и не заметил он замершей в тени Василисы. Агрессивным он тоже не выглядел. Что в администрацию плюнул, так это его право, но рисковать все-таки не стоит. Кто их знает, этих призраков. Да еще призрак-то какой нехороший, сколько невинных жизней из-за него загублено. Вдруг и на Василисину жалкую душонку позарится? Давненько человечинки не пробовал, небось проголодался.

Бабушка всегда говорила: если опасаясь чего, помолись, все и уладится. Прочитав краткую молитву, Василиса решила, что теперь она в безопасности. Зря она попросила шофера высадить на ночной улице, зря понадеялась, что в Карповке ей ничто и никто угрожать не может. Оказалось, очень даже может.

Преследовать раздвоившегося Владимира Ильича ей и в голову не пришло. У него свои дела, у нее свои.

Василисе было и без того чем себя занять и о чем подумать. И хотя она понимала, что нужно спешить, если она хочет увидеть бабушку живой, она делала все, чтобы оттянуть эту встречу. Причина в том, что Василиса решительно не знала, о чем говорить со своей бабушкой.

Бабуля очень не одобряла ее первое замужество, но еще больше она не одобрила развод. А уж когда Василиса вышла замуж во второй раз, причем официально, со штампом в паспорте, фатой и гуляньем в ресторане, бабушка и вовсе стала считать внучку кем-то вроде падшей женщины. Даже молилась о ней еще усерднее.

– И все равно не отмолишь мне тебя, Васька! – сетовала она. – Была бы я еще сама не так грешна, тогда ладно. А так пропадем мы с тобой, девка. Но ты-то, ты-то какова! Уж на что я бедовая была, а и то после твоего деда ни на одного мужика смотреть не захотела. А ты?

– А что я?

– Второй раз замуж выскочила! Да еще при живом муже!

– Время сейчас другое.

– Время другое, люди те же.

– Разводы давно узаконены.

– И чего? Аборты тоже узаконили. Лучше от этого жить стало?

Будь второй брак Василисы хоть сколько-нибудь удачнее первого, ей было бы чем ответить на упреки бабушки. Но нет, и второй брак Василисы никак нельзя было назвать удачным. Первый муж – Антошка – гулял от нее направо и налево, не пропускал ни одной юбки и постоянно врал. Врал, почему задерживается с работы, почему рубашка в женской помаде. Врал, почему звонят ему среди ночи женскими голосами и что-то от него в срочном порядке требуют.

Причем врал Антон столь виртуозно, что Василиса сперва и сама верила его вранью. Союз их продержался целых два года. Только два года спустя улики его измен стали настолько очевидны, что закрывать глаза и дальше Василиса просто не смогла. Знаете, когда в собственной кровати обнаруживаешь голую деваху, которую обнимает родной муж, места для сомнений как-то не остается.

Правду сказать, муж и в тот щекотливый момент не сдался, прибег к испытанному средству и попытался придумать в свое оправдание какую-то вовсе уж немыслимую историю про искусственное дыхание, но Василиса его слушать не захотела. Быстренько развелась с гуленой и вышла замуж за человека, который казался серьезным и ответственным. Вот именно, что только казался.

У этого кадра оказался совсем другой порок. Второй муж Василисы женщинами не интересовался, ему было не до того. Все его интересы поглощала бутылка.

Увы, Артем пил, причем запоями. Между одним запоем и другим у него случались промежутки трезвости, во время одного из которых Василиса с Артемом и познакомились. В эти свои промежутки, иные из которых длились по нескольку месяцев, Артем казался идеальным мужчиной, все в нем было как раз и ровно столько, чтобы не ощущалось нехватки, но и избытка тоже не наблюдалось. Так что очарованная Василиса поверила, что судьба смилостивилась над ней.

На свадьбе муж к спиртному не притронулся. Даже глотка шампанского не выпил. Василисе бы тогда еще насторожиться, но нет, она лишь обрадовалась, какой редкий, прямо-таки уникальный человек ей достался в мужья.

Когда муженек первый раз вернулся вечером в пятницу в стельку пьяным, Василиса не слишком огорчилась. Со всяким может случиться. Перебрал, бывает. Тем более что в субботу утром, проспавшись, Артем очень убедительно объяснил жене, что конфуз случился потому, что в их офисе внезапно закрылась столовая, и у него целый день маковой росинки во рту не было.

– А вечером день рождения шефа сели отмечать, поэтому меня так и развезло. Но это в первый и последний раз, клянусь тебе. Сам не люблю быть в таком состоянии.

Василиса поверила. Ведь до этого Артем не притрагивался к спиртному. Но уже в тот же день вечером он вышел за сигаретами, а вернулся глубокой ночью и снова пьяный. В воскресенье он пил принесенное с собой в субботу, а в понедельник не вышел на работу. И во вторник

не вышел. И в среду. И в четверг. В пятницу запой неожиданно закончился. Артем даже успел получить больничный от знакомого врача, хорошо знающего истинный недуг своего пациента. Тем в тот раз все и ограничилось.

Следующий месяц все шло прекрасно. Артем являлся трезвым, был милым и любезным, участвовал в хозяйственных делах, Василиса нарадоваться на него не могла. Но через месяц он сорвался снова. И на сей раз пил целых две недели, так что со службы стали звонить и интересоваться, когда же сотрудник явится и сделает ту работу, ради выполнения которой он был нанят. Василиса боялась, что Артема уволят, но нет, каким-то образом все обошлось. Оказалось, что Артем умеет врать ничуть не менее убедительно, чем Антон. Это заставило ее наконец призадуматься.

Потом был еще запой, еще и еще. Артем подшивался, кодировался, гипнотизировался, даже к бабке-знахарке ходил и посетил несколько сеансов иглоукалывания у известного в своих кругах китайца. Но что бабка-знахарка, что китаец – результат неизменно был один и тот же.

Василиса сначала искренне переживала, пыталась помогать ему в борьбе с зеленым змием, но потом борьба эта стала ее утомлять. Да, Артема было очень жалко, хороший мужик, а погибал в неравной схватке. Но себя Василисе было жалче. Она понимала, что может провозиться с Артемом месяц, может год, а может и всю жизнь. И что? Это ей надо? Каждый день глядеть в окошко, поджидая любимого, и гадать, каким он вернется?

Сейчас Артем как раз находился на пике очередного запоя и, по прикидкам ставшей уже опытной в таких вещах Василисы, раньше следующей недели из штопора выйти вряд ли мог. Везти его в таком состоянии к бабушке она боялась. За бабушку боялась. Пусть уж лучше та ничего не узнает. Хотя ее не обманешь, в этом Василиса убедилась уже давно.

Домик бабушки стоял в самом конце улицы, из него была видна речка и пологие, поросшие ивняком склоны. Домик был маленький, покосившийся от времени. Василиса как-то предложила построить новый дом, а эту развалюху снести, но бабушка вроде как даже обиделась на внучку.

– Вам бы, молодым, все рушить, – разворчалась она на Василису. – Погоди, вот помру, успеешь еще новый дом отстроить.

Хотя Василиса бывала здесь каждый год по несколько раз, она уже не могла считать дом своим. Да, она должна была уехать, никаких перспектив в Карповке у нее не было, но она все-таки чувствовала некоторую вину перед бабушкой, которую оставила совсем одну. Не то чтобы бабушка жаловалась внучке или как-то иначе дала понять, что затаила обиду, но самой Василисе было немножко стыдно. Она-то живет в городе, пусть и не очень счастливо, но живет. А бабушка здесь одна...

Но, с другой стороны, если сравнить их обеих, бабушка выглядела куда счастливей, а уж умиротворенней Василисы – точно в тысячу раз.

Да, колхоза здесь больше не было. Зато люди стали возвращаться. И церковь наконец построили. Говорят, когда-то был на том месте храм, да в революцию сгорел. Как раз, когда первый камень в основание фундамента будущего храма заложили, бабушка Василисы заговорила о приближающемся конце. Хотели ее в больницу, да бабушка отказалась. Василиса договорилась с соседкой, чтобы дважды в день навещалась к старушке, кормила и помогала. Но стать прежней бабушке уже не удалось. Хотя до окошка добиралась. И в садик косточки погреть тоже выходила.

Видела и как стены храма возводили. Священник попался молодой и расторопный, бабушка была им довольна, говорила, что он напоминает ей покойного председателя колхоза: – Такой же азартный.

Отец Иоанн и впрямь старался сделать для своего прихода как можно больше. Суетился, находил спонсоров, рабочих, договаривался с администрацией и с общественными организа-

циями. За несколько лет добился того, что Карповка преобразилась. Теперь у них было все, как у культурных людей: супермаркет, ресторан, дорога с асфальтом. А как же? Не при царе Горохе живем.

Батюшка здешний под свои крестные ходы, которые очень любил проводить и считал символом успешного прихода, повсюду в Карповке обновил асфальт, у местной администрации правдами и неправдами выбил этот ремонт, даром, что по проезжей части никогда больше двух-трех машин за один раз не показывалось. Да и то лишь в самую страду, в пору уборки урожая, ради которого по старой памяти еще кое-где старались отдельные энтузиасты-фермеры и молодые, приехавшие попробовать силы в сельском хозяйстве.

Зато крестные ходы получались эффективными. Приезжали телевизионщики и с упоением снимали то, что они называли «возрождением старой России». У Василисы отношение к этим мероприятиям было двойственное. С одной стороны, вроде как интересно и красочно, что говорить, и поют красиво. И лица у всех такие благодные, а у женщин под белыми платочками глаза так и сияют. Идут издалека, многие за десятки километров, и детишек маленьких с собой ведут.

Но подавляющее большинство верующих – это женщины, мужиков мало. А какие и есть, все какие-то странные. Василиса бы за такого замуж точно не пошла. Вот священник был безусловно хорош. И в плечах широк, и ростом высок, и борода густая. Но он, как хорошо знала Василиса, уже дал обет безбрачия и потому как потенциальный жених даже не рассматривался. Она и у другой-то женщины никогда мужчин не отбивала, а тут у самого Господа дерзнуть служителя увести. Нет, такой дерзости в себе Василиса не ощущала. А раз других стоящих кавалеров в этой благочестивой компании не водилось, не стоило Василисе туда и соваться.

И все же тема приличного жениха была для Василисы самой животрепещущей.

Василиса хотя и числилась ныне замужем, но давно уже подумывала, как бы ей этот статус сменить. Но поскольку быть одной ей нравилось еще меньше, она уже сейчас, загодя, присматривала себе подходящего кандидата на роль следующего мужа. У порога бабушкиного дома она собиралась с духом, зная, что речь обязательно зайдет об Артеме. Просто не может не зайти. И что сказать бабушке, до сих пор не ясно.

Потому Василиса и попросила водителя остановиться подальше от дома, прямо на площади у памятника Ленину, чтобы пройтись и собраться с духом перед разговором со старушкой.

– Обязательно ведь спросит, почему Артем не приехал. И что бы я ей ни сказала, наверняка догадается, что мы собираемся разводиться.

Врать бабушке Василисе не хотелось, и потом она знала, что это все равно бесполезно. Сколько раз на собственном опыте убеждалась, что бабушку ей нипочем не провести. Василисина бабуля обладала поистине невероятным чутьем на ложь.

Василиса, совсем уж нога за ногу, брела по улице. До дома бабушки оставалось уже рукой подать, и, погруженная в свои мысли, старалась идти как можно медленнее. По сторонам почти не смотрела, а потому прошла мимо припаркованной у дома старенькой машины темно-зеленого цвета с полнейшим равнодушием. Стоит себе, и пусть себе стоит. Немного странно, что хозяин предпочел оставить свою красавицу на улице, а не загнал во двор, но мало ли почему он так поступил. Его дело. Может, ненадолго заглянул. Может, уезжать ему скоро.

Девушка пошла дальше и не заметила, что за ее спиной в салоне машины поднялась темная человеческая фигура. Человек выглянул из окна и пристально уставился на Василису, словно недоумевал, откуда она взялась. На нем были кепка, плащ и мешковатые брюки. Тот самый наряд, который Василиса видела совсем недавно на двойнике Владимира Ильича. И человек был тот самый. Он успел обойти поселок и вернуться к своей машине обходными путями, пока Василиса тащилась по главной улице.

Но она ничего не заметила. Ни человека в машине. Ни того, как он похож на испугавший ее призрак. Она шла и думала о своей бабушке. И было о чем подумать.

Глава 2

В поселке о ее бабушке всегда ходили слухи, что она «может сделать». Что и кому, этого маленькая Василиса не понимала, но не могла не видеть, что их дом люди стараются обойти стороной. Если и заглядывают, исключительно по делу и никогда не засиживаются.

– Бабушка, а почему к нам гости никогда не ходят?

– А зачем?

– Интересно же. И нас к себе в гости кроме тети Светы никто не зовет.

Тетей Светой звали ближайшую соседку, единственную, с кем бабушка в Карповке близко зналась. Тетя Света была подругой мамы Василисы, а с матерью самой тети Светы дружила еще бабушка Василисы. Дружба эта сложилась, когда сразу после войны бабушка Нина со своим мужем, дедом Василисы, переехали в Карповку. Потом по наследству дружба досталась матери Василисы, а от нее внучке.

На эти вопросы бабушка ворчливо отвечала:

– Станешь взрослой, находишься еще по гостям.

Лишь когда Василиса пошла в школу, кое-что прояснилось. Одноклассники ее были ребята простые и не преминули просветить Васю насчет ее бабушки. На первой же перемене ее окружили и начали кричать:

– Ведьма твоя бабка! На метле летает!

Ясное дело, Василиса возмутилась.

– Неправда! У нас и метлы дома нет, только пылесос!

Рядом с ней встала девочка со светлыми косичками. Она сочувственно смотрела на Василису, а потом в знак поддержки сказала:

– И то правда: на пылесосе много не полетаешь, он же тяжелый!

Но другие не сдавались. Обступив Василису и ее светловолосую защитницу, они азартно вопили, тыча в Василису пальцами:

– Ведьмино отродье! Рыжая! Все рыжие – колдуньи!

Волосы у Василисы и впрямь были того огненного оттенка, который нипочем не спрячешь. И глаза зеленые, словно лягушачья шкурка. Но разве от этого она становилась той, кем обзывали ее мальчишки?

Василиса уже примеривалась, как бы ей засадить кулачком самому яростному хулигану, но тут на крик вышла учительница и забрала всех в класс. Она прочла им лекцию о глупых суевериях, которым не место в российской школе, где все равны, невзирая на то, кто и у кого родители или даже бабушки-дедушки.

– Вы теперь все ученики. И единственное, что имеет значение, – ваше усердие, упорство в овладении знаниями и ваш ум. Если услышу еще что-то подобное, поставлю двойку за поведение.

Под страхом двойки, которую никому не хотелось получать прямо в первый учебный день, дети прикусили языки. Но это вовсе не значит, что они стали лучше относиться к Василисе. Только светловолосая девочка, которую звали Аней, как дружила раньше, так и продолжала с ней дружить.

Мальчишки частенько дразнили Василису и раньше. Опытная в таких делах Анька показала Василисе, как нужно отбиваться, чтобы от тебя отстали.

– Кулаком ты их толком не стукнешь. Вон их сколько, а ты одна. Но если возьмешь в кулак чего-нибудь потяжелее, и одна сможешь с ними справиться.

– А что взять-то?

– Хотя бы камень возьми. Или, хочешь, я для тебя гиричку у мамы в магазине попрошу?

С гирькой, зажатой в кулачке, Василиса сумела дать отпор стае мальчишек, которые оказались вовсе не такими уж героями, а на поверку так просто маменькиными сынками. Они разбежались с воплями и соплями, еще и побежали на нее жаловаться. Потом прибежали их родители, требуя исключить хулиганку, которая одна разогнала пяток мальчишек, а троим еще и подарила украшения в виде синяков, шишек и разбитых носов.

Хорошо еще, что директор оказался нормальный мужик. Оглядел сначала щуплую для своих лет Василису, потом рослых опять же не по годам бугаев и с непередаваемым выражением спросил у столпившихся мамочек и их отпрысков:

– И эта девочка смогла побить ваших сыновей?

– Да-да, она самая! – горя жаждой мести, подтвердили родительницы хором.

– Ни за что не исключу ее. Это же будущая олимпийская чемпионка. Да она прославит нашу школу!

И хотя олимпийской чемпионки из Василисы не получилось, но в секцию бокса она пошла и даже кое-какие награды приносила. Драться честно, без гирек, оказалось куда сложнее, так что вскоре Василиса оставила этот спорт. Да и не нравилось ей никогда махать кулаками. Куда приятнее было дружить с Аней.

Вот только сама Аня стояла на иерархической лестнице их улицы на самой низкой ступени, потому что ее мама работала на самых непрестижных должностях. То в школе уборщицей, то в магазине, то вовсе где-то на овощебазе. А отца своего Аня и не знала. Не исключался вариант, что и сама Анькина мамаша не имела точного представления об отце своей дочери. Тетя Света была еще той гуленой. А уж влюбившись, она вообще удержу не знала, шла за очередным проходимцем, иногда даже имени его не спрашивала. Такой у нее был порок. Тетя Света боролась с ним, но всегда безуспешно.

Но в периоды затишья любовной страсти она была хорошей хозяйкой и заботливой матерью. Возилась по хозяйству, играла с детьми, работала – и все время ждала свою истинную любовь. Сколько Анька себя помнила, мать всегда зачитывалась любовными романами, твердо веря, что ее принц вот-вот придет к ней, и узнавая его в каждом, кто обращал на нее хоть какое-то внимание.

Но к чести ее надо сказать, все свои беременности, от кого бы они там ни наступали, тетя Света сохранила и воспитание детей на государство не перекладывала. Она записывала детей на фамилию деда и отчества им давала по деду, своему отцу. И хотя двое братьев и сестренка Аньки так явно отличались внешне, что об одном отце и говорить не приходилось, отчество у всех было одно – Мефодьевичи.

Анька уродилась блондинкой и была в семье старшей. Поговаривали, что отцом ее был солист оперы, куда тетя Света ходила один раз в жизни, а вернулась с прибытком. Как бы там ни было, Анька все годы учебы и впрямь была запевалой в школьном хоре. Следом за ней шел Витька, рыжий крепышок, отчаянный бузотер и драчун. Энергия так и била из него ключом. Он был похож на тети-Светинового соседа Ваньку, погибшего, как говорили, при исполнении воинского долга.

Еще один брат, Вовка, был сухощавым и узкоглазым, сразу ясно, что здесь не обошлось без примеси азиатской крови. Об отце тетя Света и вовсе рассказывала какие-то небылицы – вроде как тот был то ли потомком индийских раджей, то ли правнуком китайского мандарина. Вовка и впрямь обладал непонятно откуда взявшимся высокомерием.

Наконец, последней у тети Светы родилась Валечка. Золотистой, легко впитывающей загар кожей, темными волосиками и ореховыми глазками она намекала, что могла быть дочерью Ашота, владельца маленького кафе, где тетя Света одно время работала официанткой.

Рождение Валечки тетя Гаяне восприняла болезненно. Она потребовала от мужа уволить официантку, что толстому Ашоту и пришлось сделать. Верно или неверно, что Валечка от него,

но мир с законной супругой дороже внебрачного ребенка. Так он и сказал тете Свете, когда, пряча глаза, выплачивал ей зарплату за последние отработанные в кафе дни.

Но тетя Света не унывала. Остаться без мужа не казалось ей чем-то страшным. Государство платило ей как одинокой матери пособие, плюс приработки, плюс собственный огород и курочки, плюс помощь соседей, люди-то у нас добрые. Тетя Света была уверена, что в хозяйстве можно прекрасно обойтись без мужика. Вот без любви ей было никак не обойтись.

Тетя Света и была той соседкой, кому Василиса поручила присмотр за бабушкой. Только она из всех старых знакомых и оставалась еще в Карповке в ожидании своей подзадержавшейся где-то любви. Сколько Аня и другие дети ни звали мать к себе, тетя Света неизменно отвечала отказом.

– Нет уж! Столько ждала своего суженого, а теперь возьму и уеду? Даже и не просите. Вот-вот уже приедет, я чувствую.

– Ты это последние сорок лет чувствуешь.

– А теперь особенно ясно чувствую. И когда он наконец объявится, тогда уж мы к вам вместе с вашим новым отцом обязательно приедем.

Кто слышал, те крутили пальцем у виска. Виданное ли дело, на шестом десятке баба, а все о том же. Но Василисе упорство тети Светы даже нравилось. И бабушка, Василиса это знала, не считала тетю Свету глупой.

– Заблудились они в этой жизни, – говорила она о Свете и ее суженом. – Грешили оба много, потому и трудно им встретиться. Вот помру, попрошу там кого-нибудь за нашу Свету. Хорошая она, что бы там люди ни говорили. Хватит ей одной мыкаться. Как помру, так пусть и ждет суженого. Через сорок дней после моей смерти он к ней придет. Ждите.

Тетя Света и Анька, пожалуй, были единственными в поселке, кто общался с Василисой и ее бабушкой по собственной воле. Василиса никогда не видела, чтобы бабушка колдовала или читала какие-то заклинания, но по просьбам соседей она иной раз молилась перед своей иконой то за заболевшего ребенка, то за негодящего мужика, то за захиревший урожай. Когда дело налаживалось, бабушку благодарили, если проваливалось, ругали. Но никто из соседей не заходил к бабушке просто так. Никто, кроме тети Светы. Та ничего не боялась и громко смеялась над суевериями других.

– Я Нину Кузьминичну всю жизнь знаю, лучше ее человека еще не встречала. А вы все глупцы, если такое говорите.

Да, тетя Света была их лучшим другом, потому сейчас, постояв немного у домика бабушки, Василиса толкнула калитку не этого, а соседского дома. Прежде чем идти к бабушке, она заглянет к тете Свете, пусть та морально подготовит Василису к тому, что ей предстоит вынести. Да и посоветоваться с хорошим человеком никогда не помешает.

Уйдя с головой в свои мысли, Василиса и не заметила, что из окон бабушкиного дома на нее уставились две пары глаз. Не бабушкины глаза, а какие-то совсем чужие. Они проследили за Василисой, пока она не скрылась за дверью соседского дома, и принялись обсуждать, что им делать дальше.

Вот только без своего третьего они ни на что не могли решиться. Стоило этим двоим подумать о товарище, как в сенях раздался шум шагов. Кто-то приближался. Свой или чужие? Двое парней испуганно заметались по дому.

Не прошло и минуты, как в сенях раздался хриплый голос:

– Чего вы так топчетесь? Я еще из-за двери слышал, как вы носитесь.

– Хрущ, ты, что ли?

– А вам кого надо?

Из темноты выступила мужская фигура. Лица было не разглядеть, но голос Хруща был компаньонам хорошо знаком.

– Девчонка где? – спросил он хрипло.

– Какая девчонка?

– Я в машине сидел, видел, как она сначала по улице шла, потом у дома постояла, потом исчезла. Схватили вы ее?

– Нет.

– Почему?

– Не было ее здесь. Она к соседям пошла.

– Странно, – пробормотал Хрущ, – мне показалось, что девчонка возле бабкиных ворот стояла.

– Стоять стояла, – подтвердил один из тех, что прятались в доме, – на окна пялилась. Мы ее тоже видели. Были уверены, что сюда придет. А она вдруг передумала, повернулась и в соседний дом пошла.

Говорил этот человек словно в нос, распухший и скособоченный. Еще он держался за бок и при каждом вздохе болезненно охал, как будто внутри у него что-то все время болело.

Но другим было не до его страданий.

Хрущ протянул руку и снял фотографию со стены – Василиса, обнимающая бабушку и смеющаяся в объектив.

– Это та самая девчонка, я уверен.

Двое его подручных оживились.

– Бабкина внучка!

– Надо ее схватить!

Хрущу это предложение совсем не понравилось.

– Молчать! Я вам схвачу! Нахватались уже, наделали дел! Сидите теперь тихо и слушайте, что вам дядя Хрущ говорить будет. Только меня вы отныне слушаетесь и только мне даете отчет. Ясно?

Двое покивали головами. Вид у них был виноватый, словно у мелких нашкодивших зверьков. Эти двое напоминали каких-то мелких грызунов, а вот третий был из разряда более крупных хищников – гиен или волков.

Тетя Света была дома. Она вышла к Василисе, зевая и потягиваясь. Тетя Света всегда была красивой женщиной и с годами только вошла в самый смак. И кудри у нее вились, и тело было гладкое и стройное. И глаза блестели каким-то особым призывным блеском.

– Васька! – обрадовалась она. – Молодец, что приехала! И правильно, что без звонка!

– Как без звонка? Я вчера еще с бабушкой разговаривала и сказала, что приеду.

– Что ты говоришь?

– Ну да. Бабушка мне звонила. Просила приехать.

– Когда звонила-то?

– Вечером мы с ней разговаривали. Я сразу же на поезд и сюда. Всю ночь в пути провела.

– Странно, – удивилась тетя Света еще больше, закалывая попутно на макушке свои тяжелые косы. – Чего это бабушка так срочно надумала тебя срывать?

– Разве ей не стало хуже?

– Бабушке? Хуже? Нет, не было ей хуже. Вчера вечером я у нее была, все как обычно. Нормально она себя чувствовала, я бы даже сказала, хорошо.

– Может, после твоего ухода ей поплохело? – допытывалась растерянная Василиса.

– Она тебе в котором часу звонила?

– Около десяти.

– А-а-а... Да. Это и впрямь уже после моего ухода было. Я-то у нее часиков в шесть-семь была. Но если бы ей хуже стало, она могла бы мне позвонить.

– Может, трубка села?

– Какая трубка?

– Ну, которой звонить.

Тетя Света засмеялась.

– Ох, Васька, не знаешь ты ничего. Давно у нас не была. Звонок-то я к себе от твоей бабушки протянула особенный.

И, отодвинув слегка занавеску с окна, тетя Света показала колокольчик, привязанный за веревочку, которая уходила через окно куда-то наружу.

– Один конец веревки у меня, другой у твоей бабушки. Она дергает, колокольчик звенит. Мне сразу ясно, что я твоей бабушке нужна. По телефону-то пока еще дозвонишься, то связи нет, то еще чего, а тут все легко и просто.

Расстояние между домом тети Светы и бабушкиным и впрямь позволяло провести такой вид связи.

– И вчера бабушка не звонила?

– Нет. Может, оборвался где шнурок-то?

Василиса нахмурилась. Тетя Света это заметила и предложила:

– Ну что, пойдём к твоей бабушке вместе?

– Пожалуй, я одна пойду, – сказала Василиса.

– Тогда я чайку заварю.

И когда Василиса уже направилась к дверям, тетя Света внезапно произнесла:

– Слышь, Васька, может, это с тем священником как-то связано?

– С каким священником? – притормозила Василиса.

– Батюшка к твоей бабушке какой-то вчера приходил. Станный такой. Не наш отец Иоанн, а другой. Седой уже совсем, с бородой, в черное одет, крест на груди.

– А странный почему?

– Да кто его знает... Не похож он на священника, потому и странный.

– А почему не похож?

Но тетя Света, не отвечая на вопрос, словно в задумчивости пробормотала:

– И еще письма эти...

– Какие письма-то?

Тетя Света кинула на Василису внимательный взгляд.

– Бабушка и тебе ничего про письма не сказала?

– Нет. Я даже не знаю, что за письма такие!

– И я не знаю, – развела руками тетя Света. – Только письма твоей бабушке прошлый месяц приходили. И не одно. Два письма я своими глазами у твоей бабушки на столе видела. И странно так. Конверты с марками и не распечатаны, а она их прямо так снова в конверты запикивает. И самое интересное, что мне она их не дала в руки.

– А зачем она должна была тебе их давать?

– Обычно я для нее всюду хожу. И письма эти собиралась на почту закинуть. А бабушка твоя не захотела, сама почтальонше нашей в руки отдала. Я почтальоншу спросила, кому бабушка письма-то отправляет, только она у нас новенькая и вредная такая. Ничего мне сказать не пожелала. Сказала только, что далеко. А адрес, мол, не запомнила.

– Погоди, но если бабушка отсылала нераспечатанные письма, значит, она их и не читала?

– То-то и оно! Но мне сказать, от кого письма, все равно не захотела. Сказала лишь, что это личное.

– И давно они пришли, эти письма?

– Да уж с месяц, наверное, будет. Два письма я видела. Может, и больше было, то мне неизвестно. И звонили еще ей без конца.

– Кто? – окончательно разволновалась Василиса. – Кто звонил?

– Тоже не знаю. Но кто-то звонил. При мне несколько раз звонили, и бабушка твоя трубку возьмет, послушает, а потом трубочку так аккуратно обратно на место возвращает. А лицо у самой довольное такое! Я ее вовек такой довольной не видела. Трубочку кладет, а сама бормочет.

– Что бормочет?

– Ну, я толком не расслышала. Что-то вроде того, что они у нее еще попляшут. Думают, что, мол, несколько раз о себе напомнили, я и растаю, как бы не так. Так она говорила.

– погоди, а мне ты почему ничего не сказала?

– А что сказать-то? Что бабушке письма пришли? И что звонят ей? И потом, если бы она захотела, сама бы тебе сказала. Я думала, что она именно так и сделала. Мне-то ничего объяснять не стала, оно и понятно, я ей чужая. Но ты-то ей внучка, тебе она должна была сказать, что у нее за тайны такие.

– Нет, мне бабушка вообще ничего не рассказывала.

Тетю Свету это, видно, порадовало. Она даже приободрилась как-то. Оно и понятно, не так обидно быть лузером, когда ты в хорошей компании.

– Ну вот, – сказала она, – а потом этот священник пожаловал. Только не похож, если честно, он был на священника.

– Как же не похож, если ты говоришь, что крест на груди, борода и в черном весь был.

– Так-то оно так, а все равно не похож. Глаз у него подбит был. Разве священники дерутся?

– Я не знаю, – растерялась Василиса. – Наверное, нет.

– Вот, а этот, как вошел, сразу сказал, долго я, Нина Кузьминична, к тебе добирался и с подвохом. На автовокзале еще в Питере с каким-то мужиком сцепился, нос тому сломал и пару ребер. Ну, а ему только глаз подбили, да и то не сильно. Хвастался, что вроде как в плюсе оказался. У того нос и ребра, а у него один глаз.

– Священник точно не стал бы так говорить.

– А я о чем тебе толкую! А крест нагрудный – что? Крест любой нацепить может. И бороду отрастить тоже дело нетрудное. Я у отца Иоанна спрашивала, товарищ к нему вроде как приехал, а он и знать ничего не знает. Какой еще священник, спрашивает? Никого не жду, наоборот, сам по делам в город уезжаю. И уехал. Машину новую себе недавно купил, «Вольво». Чего не ездить?

– Сам купил?

– Говорит, что от епархии выдали, вроде как какой-то благотворитель подарил. Только сдается мне, что на строительстве храма можно не на одну машину наскрести.

Но Василиса предпочитала заниматься своими делами, а не судачить о чужих. Поэтому она снова вернулась к теме, которая интересовала ее по-настоящему.

– Ну, а бабушка-то как отреагировала на приезд гостя?

– Обрадовалась она. Обнялись они с твоей бабушкой, словно старые знакомые. Рады были увидеться, он особенно. Ну, и бабушка твоя тоже улыбалась.

– Да кто же он такой?!

– Родич, может? – предположила тетя Света.

– Никогда про таких родичей не слышала.

Откровенно говоря, Василиса вообще от бабушки про каких-либо родственников ничего не слышала. Про деда Василия, в честь которого Василису и назвали, бабушка рассказывала. Супружеская жизнь бабушки была короткой, но яркой и счастливой. Про маму и папу Василисы бабушка тоже рассказывала. По ее словам, оба они были замечательными людьми, потому Бог и прибрал их к себе пораньше.

Про своего собственного отца и мать бабушка рассказывала скупой. Но все же Василиса хотя бы знала, что эти люди когда-то жили на свете. А вот дяди-тети или там братья-сестры –

этого словно бы у них и не было вовсе. Про них бабушка никогда и ничего не говорила. И ни Василиса с бабушкой ни к кому из родичей в гости не ездили, ни к ним никто не приезжал. И писем они с бабушкой тоже ни от кого никогда не получали.

А тут вдруг и письма, и звонки, и гость, а бабушка ничего Василисе по телефону объяснить не пожелала.

– Что же это за гость такой на голову свалился?

– Откуда же я знаю? Хотела выведать, да бабушка твоя меня прочь отправила.

– И ты скорей к отцу Иоанну побежала?

– А куда же еще мне деваться было, если твоя бабушка ничего мне объяснить не хочет.

В голосе тети Светы прозвучала обида. Она была любопытна, водился за ней и этот грешок. А еще она любила поболтать и сейчас с удовольствием принялась выкладывать Василисе информацию.

– Вчера около шести вечера, после работы, я к твоей бабушке заглянула. Слово за слово, поужинали вместе. После сидели, чай пили, я ей новый роман читать начала, интересный такой. Там у главной героини с личной жизнью совершенно не ладится. Вроде как у меня или вот у тебя.

– Почему? – поспешила возразить Василиса. – У меня ладится.

– Да? Хорошо, рада тогда за тебя. Мне-то бабушка о тебе совсем другое рассказывала. Да не о том речь. Слушай лучше, чего там в книжке делалось...

Василисе пришлось ее перебить:

– Ты о священнике, который к бабушке приехал, хотела рассказать.

– Ах да! Так мне и рассказывать-то особо нечего. Вошел, стоит, улыбается. Я сначала не поняла, что он к твоей бабушке. Да и она, сдается мне, его сперва не признала, настороженно так на него смотрела. Уж когда он заговорил, она встрепенулась вся и к нему потянулась.

– А что говорил-то?

Тетя Света наморщила лоб, пытаясь вспомнить.

– Сказал: «Привет вам от Прохора Кузьмича. Осведомлялся он о вашем здравии, Нина Кузьминична. Мол, скоро ли к нам пожелуете. Заждались мы вас, сестра».

– Все?

– Вроде как и все. Странно так говорил, вроде и по-русски, а как-то чудно. Будто бы XIX век на дворе.

– А кто этот Прохор Кузьмич?

– Не знаю. Первый раз это имя слышу. Ты тоже не знаешь?

– Нет, – покачала головой Василиса. – Вроде как мелькнуло что-то в памяти, а что, понять не могу. А сестричка – это кто?

– Это он так к твоей бабушке обратился.

– Бабушка ему сестрой приходится?

– Вот и я тоже удивилась. Всю жизнь одна с дочкой, твоей матерью, а потом с тобой прожила. А этому человеку на его «сестру» почему-то отозвалась с радостью. Вроде как даже слезки на глазах выступили.

– И надолго этот человек у бабушки задержался?

– Может, он и сейчас там.

– Как это?

– Не видала я, чтобы он уходил.

Это понравилось Василисе еще меньше. Выходит, подозрительный старик, явившийся к бабушке, мог остаться там на всю ночь? И Василиса тут же вскочила на ноги.

– Я побегу... Я спрошу...

Нерешительность, которая внезапно со страшной силой охватила Василису, когда девушка стояла у дома бабушки, теперь так же внезапно отпустила. И Василиса легко и совсем не думая о последствиях побежала в свой дом.

Дверь у бабушки оказалась не заперта. И в самом доме было тихо и пустынно.

– Бабушка! – подала голос девушка, едва перешагнув порог. – Это я – Василиса! Ты меня звала – я приехала!

Но никто ей не отозвался. Василиса постояла, заново обвыкаясь к теплу дома, в котором прошло ее детство. Она чувствовала, что к привычным запахам бабушкиного дома сейчас примешиваются еще какие-то чужие ароматы. Пугающие и настораживающие. Василиса вошла в дом, который знала как свои пять пальцев и который всегда принимал ее как родную, и на душе у нее стало вновь тревожно.

Где бабушка? Где ее гость?

Рассказ тети Светы не шел у Василисы из головы. Что за мужик? Откуда он взялся? И самое главное, куда делся теперь?

Глава 3

Василиса обошла весь дом, но никого постороннего не увидела. Точней сказать, она вообще никого и ничего не увидела. Ни мужика с крестом и бородой, ни бабушки в доме не обнаружилось. А часы показывали еще только начало седьмого. И понять, куда в такой ранний час могла запропасться бабушка, Василиса никак не могла.

Ладно, гость. Гость мог и уехать. Но бабушка?

Присев на краешек бабушкиной кровати, Василиса уставилась на часы-ходики, которые мирно тикали на стене напротив. В доме было тепло и было ощущение, что хозяйка просто куда-то ненадолго вышла. Но куда могла пойти бабушка в такую рань? Не говоря уж о том, что в последние годы бабушка вообще избегала выходить, разве что на солнышке погреться, да и тогда далеко от дома не отходила.

И вдруг взяла и ушла. Ушла как раз в тот момент, когда позвала внучку приехать. Василиса провела рукой по бабушкиной кровати. У бабушки была старомодная привычка складывать подушки одна на другую, а потом все это великолепие закрывать сверху кружевной накидкой, чтобы получилась своего рода пирамидка. Внезапно Василиса нащупала что-то твердое. Потянув, она вытащила бордовую книжечку. Паспорт!

Заглянув в документ, Василиса убедилась, что паспорт принадлежит ее бабушке. И что он делает под подушкой? Для документов у бабушки было раз и навсегда отведено одно место. И Василиса знала, что документы в этом доме имеют право находиться лишь в верхнем правом ящике комода и нигде больше. Василиса еще раз обошла дом, убедилась, что бабушки нет, и пошла назад к тете Свете.

Та уже приготовила чай и с удовольствием пила обжигающий напиток, как любила, прямо из блюдца, прикусывая крохотным кусочком сахара.

– Как это нет бабушки? – удивилась тетя Света. – Не может такого быть!

– Ну, я тебе точно говорю!

– А ну-ка пошли. Посмотрим!

Если тетя Света надеялась, что к ее приходу бабушка тоже каким-то чудом возникнет у себя дома, то ее ожидало разочарование.

Тетя Света встала на пороге большой комнаты, где еще вчера вечером они с пропавшей Ниной Кузьминичной мирно ужинали, и, приглядевшись хорошенько, внезапно спросила:

– А что это там лежит?

– Где?

– А под столом.

Василиса взглянула в том направлении, куда указывала тетя Света, но ничего не увидела.

– Вот ты!..

Тетя Света подошла к столу, наклонилась и подняла обрывок бумаги, на котором виднелись твердые ровные буквы, складывающиеся в два слова: «Прошу простить...»

– Молодая, а ничего не видишь! – укорила тетя Света.

– Просто мне с моего места не было видно. И что это такое?

– Не знаю.

– Почерк точно не бабушкин.

Но, воодушевленная своей находкой, тетя Света уже развила бурную деятельность.

Она обнаружила также пропажу бабушкиных резиновых бот, которые старушка надевала, отправляясь в сад на прогулку. Именно эти разношенные образцы еще советской обувной промышленности были бабушке и по сердцу, и по ноге. Их она таскала в саду во всякую погоду, хоть зимой, хоть летом. Но так как вид у этих бот был очень уж непрезентабельный, трудно было предположить, чтобы бабушка надела их куда-то на выход.

Также странность была и с верхней одеждой. На вешалке не обнаружилось бабушкиного пальто, которое она носила только зимой. Демисезонное висело. Шуба тоже. А вот зимнего пальто не оказалось. На особенно лютые морозы у бабушки была припасена теплая шуба из мутона, на погоду потеплей – два разных пальто, ну, а летом она довольствовалась шерстяными вязаными кофтами, изредка в холодные дни обматываясь еще и пуховым платком.

Но все-таки на дворе уже была весна. И надевать зимнее пальто плюс разношенные резиновые боты было очень странно. И все-таки именно эти вещи выбрала бабушка, чтобы отправиться на прогулку с бородатым.

– Ушла, – озадаченно произнесла тетя Света. – Не иначе как тот мужик с бородой ее сманил.

Услышав это, Василиса возмутилась.

– Как же ты оставила вчера вечером бабушку один на один с этим типом!

– А они мне не больно-то большой выбор оставили, – фыркнула тетя Света. – Можно сказать, выставили они меня.

– Что ты такое говоришь?

– Да, да. Бабушка твоя и этот ее знакомец бородатый наедине поговорить хотели. А мне хотя и в вежливой форме, но убираться было велено. Что я могла поделать, коли твоя бабушка попросила меня уйти, а? Что? Взять и остаться?

– Когда это было?

– Я тебе уже говорила. В начале седьмого этот тип к твоей бабушке заявился. Потом я к священнику бегала. К семи часам я уже дома была, сериал про цыганскую любовь смотрела. Господи, хоть у кого-то счастье! Она-то красотулечка! Он тоже хорош. Жить бы да радоваться, но отцу шлея под хвост попала. Захотел дочку за старого да некрасивого замуж отдать. А она-то голубица чистая...

Пока тетя Света восторженно делилась с Василисой перипетиями чужой любовной драмы, девушка сосредоточенно думала. Так, ей бабушка позвонила около девяти вечера. Новости уже начались, значит, было начало десятого. А тетю Свету выставили почти за три часа до этого звонка. У бабушки и ее бородатого приятеля было достаточно времени, чтобы наговориться всласть, вспомнить общее прошлое, может быть, даже старую любовь.

Но когда Василиса осторожно упомянула об этом, тетя Света решительно воспротивилась.

– Нет, не было между ними ничего такого.

– Почему? Возраст не тот?

– Не в годах дело. Но можешь мне поверить, уж я бы заметила, если бы промежду ними было что-то такое.

Василиса вздохнула. В вопросах любовных отношений на тетю Свету можно было смело положиться. Эксперта более искушенного сыскать было трудно. Тетя Света недаром проштудировала горы любовных романов, пересмотрела километры кинолент про любовь и родила кучу детей от самых разных мужчин, чтобы хорошо разбираться, кто и кого любит, а кто просто... использует.

– Так вот, не могло быть у твоей бабушки с этим мужиком никакой любви. И не в возрасте дело. Для любви возраст как раз не показатель. Мужик этот лет на двадцать младше бабушки, разве для пылкого сердца – это время? Нет, тут другое. Не любили они друг друга никогда. Я бы почувствовала. Дружьями, может, и были – это да. А любовниками... нет.

– Ну, а что-нибудь этот человек говорил? Откуда он приехал? Зачем? Может быть, упоминал, что проездом в Карповке?

– Нет. Он ясно дал понять, что приехал за твоей бабушкой.

– И что, этот Прохор Кузьмич называл бабушку тетушкой?

– Да. То есть нет! Этот мужик сказал, что привез бабушке привет от Прохора Кузьмича. Значит, самого его как-то иначе звали.

– Прохор... Имя-то какое странное. Сроду не слыхала, чтобы кого-нибудь так звали.

Тетка Света пожалала плечами. Прохор – имя и впрямь не из наших дней.

И тут в памяти у Василисы совсем неожиданно всплыло одно давнее воспоминание. Она – совсем еще крошка, сидит и рассматривает какие-то картинки. Это какая-то игра. Ровное картонное поле, на нем вырезанные из картона фигурки людей – мужчин и женщин, есть даже маленькие дети. Есть ульи с пчелами, мельница, какие-то хозяйственные постройки и жилые домики. Есть тут и деревья – плодовые и лесные, домашний скот – кони, коровы и быки, овцы и даже свиньи у корыта. Гуси идут на пруд. Куры клюют корм. У своих будок сидят кудлатые собаки.

Но самое главное – это сами домики. Все они очень нарядные, густо покрытые резьбой и цветочной росписью. Ставенки съёмные, печные трубы тоже. Палисаднички перед домами густо засажены астрами и георгинами, между которыми яркими огоньками вспыхивает настурция. Кажется, что домики эти родом из сказки.

Домики можно менять местами, вообще, все детали в игре можно переставлять и комбинировать по собственному желанию и вкусу. Допустим, сегодня коровы пасутся на лугу, а завтра пастух погонит их уже на лесную опушку. А там и грибы, и ягоды, и орехи. Все детали были выписаны с большим тщанием и старательностью. И несмотря на то, что игрушка была явно очень старой, сохранилась она великолепно, разве что картон с обратной стороны пожелтел, и потому можно было сказать, что игрушке этой много десятков лет.

– Твоя мама играла. И я маленькая была, тоже в нее играла. Это отец для меня такой подарок к Рождеству своими руками сделал. И детальки сам вырезал, и расписал тоже сам. Большой был мастер детей радовать.

Василиса тоже очень любила играть в эту деревню. Бабушка сидела с ней рядом и объясняла, кто есть кто и где живет.

И до Василисы из далекого прошлого донесся сильный бабушкин голос:

– А вот домик Игнатия Петровича и жены его. А вот и Нина во дворе – дочка ихняя, чадо непутевое.

– А почему непутевое?

– Потому что слова родительского не слушала, наказов не выполняла. Вот и живет теперь одна-одинешенька, внучку-сиротку воспитывает.

– Как ты, бабушка?

– Да, как я.

И глаза у бабушки неизменно начинали подозрительно блестеть. Потом игра куда-то делась, Василиса выросла и про эту деревню не вспоминала до сегодняшнего дня. Но почему Василиса решила, что игре этой очень много лет? Да потому что бабушка ей так сказала. И еще потому, что на другой стороне было написано название деревни. И написано оно было старинными буквами еще через «ять». Василиса тогда уже разбирала азбуку, но такой буквы никогда прежде не видела. Буква ее удивила, она спросила у бабушки. И та объяснила, что так писали в прошлом веке.

– Как же она называлась? – нахмурила Василиса лоб. – Эта игра?

На память ничего не приходило. И когда уже Василиса совсем отчаялась, память вдруг смилостивилась над ней и выдала информацию.

– Малочаевка!

Тетя Света, которая как раз увлеченно повествовала о несчастной цыганской любви дочери барона и нищего бродяги, даже вздрогнула от ее крика.

– Что?

– Деревня, – попыталась объяснить ей Василиса. – Старая игра в виде деревни. И деревня эта называлась Малочаевка.

– И что?

– Я уверена, Нина, то есть бабушка, была оттуда родом. Она знала всех тамошних жителей. Она мне их так описывала... Вот, например, говорила Петр Матвеевич – он любит березовый квасок, каждую весну заготавливает несколько бочек березового сока и держит их у себя в погребе, выставляя летом всем желающим освежающий напиток. А вот Петька-дурачок, его Бог наказал за то, что в Страстную неделю на гармошке играть веселые частушки начал. Заболел мозговым воспалением, долго болел, насилу выходили. Вроде как здоров стал, а ума лишился. И еще много чего разного рассказывала.

Тетя Света пожала плечами.

– Твоя бабушка могла просто придумывать эти истории. Голова у нее всегда была ясная. И язык хорошо подвешен.

– Нет, я уверена, она ничего не придумывала. Рассказывала все, как есть. И эти люди действительно где-то живут. И этот Прохор Кузьмич... Я его тоже знаю! Только теперь поняла, отчего его имя показалось знакомым мне. Он в самом нарядном доме жил. Вроде как староста деревни был. Только я не понимаю...

– Чего?

– Этот Прохор Кузьмич и тогда уже старым был. Фигурку его я помню. Высокий такой, борода белая, в руках палка резная. Я его боялась. Брови у него такие густые были, и глаза очень строгие. И бабушка тоже его не любила. Всегда старалась его в последнюю очередь из коробки достать. А если получалось, так мы его вообще не трогали. Без него игра как-то веселей шла. А Прохора Кузьмича достанешь, все остальные замрут, испугаются, конец игре. Надо найти эту игру! Может, в ней ответ на наши вопросы.

Тетя Света усмехнулась.

– Фантазерки вы обе с бабушкой. Вот что я тебе скажу, Васька, надо не Малочаевку эту на чердаке искать, а в полицию бежать. Если бабушку твою мужик этот увел, их видеть должны были.

– Куда же бабушка без паспорта денется?

– То-то и оно, – многозначительно произнесла тетя Света. – Куда? А между тем куда-то она делась.

Василиса со страхом взглянула на тетю Свету. Одно дело самой тревожиться за бабушку. Но куда хуже, когда рядом кто-то подтвердит твои опасения.

В полиции, куда обе перепуганные женщины прибежали спустя четверть часа, их встретили неласково.

– Что это вы удумали? Ну, ушла ваша бабушка с этим человеком, так ведь, сами говорите, они же знакомы. Проводить его пошла или еще за какой надобностью вышла. Нечего в набат бить раньше времени.

Напрасно Василиса твердила про звонок бабушки, про ее упоминание о дальнем странствии, в которое ей предстояло отправиться и в которое она не могла двинуться до тех пор, пока не поведаст внучке какой-то тайны. Напрасно тетя Света объясняла, что бабушка Нина не выходила со двора уже много лет, а без особой надобности и вовсе из дома не высывалась.

Полицейские лишь бессмысленно таранились на тетю Свету, которая повторяла одно и то же.

– Конечно, теперь-то теплее стало, солнышко пригревать начало, она у южной стены на лавочке любила посидеть. Но чтобы уйти! Да еще мне ничего не сказать, такого она бы никогда не сделала.

– От нас вы чего хотите?

– Объявите в розыск! Объявите план «перехват». Пусть ваши сотрудники останавливают и досматривают весь транспорт, который выезжает из нашего района или даже области.

Но полицейские лишь посмеялись над женщинами, велев возвращаться домой и ждать свою бабушку назад.

– Вот если через семьдесят два часа не появится, тогда приходите, обязаны будем принять у вас заявление. А раньше никак.

– Семьдесят два часа! – ахнула тетя Света. – Это трое суток получается? Да за это время с бабушкой Ниной могут сто раз расправиться! И что вы за полицейские после этого, если даже одну бабку найти не можете!

Полицейские ничуть не обиделись, лишь посоветовали женщинам провести собственное расследование.

– Если этот ваш бородатый с крестом был, вы к нашему священнику обратитесь. Небось, знакомы друг с другом.

– А если нет, тогда на автостанцию в Бердяево поезжайте, там водителей автобусов, которые через нашу Карповку проезжают, поспрашивайте. Коли мужик без машины был, они с бабкой из Карповки могли только на рейсовом автобусе укатить.

Вот и все, чем помогли полицейские в розыске пропавшей старушки. Этим женщинам и пришлось удовольствоваться. Тетя Света сказала, что постоит на автобусной остановке, поспрашивает водителей насчет приметного бородатого мужика с подбитым глазом и старушки с ним. А Василисе было решено идти к священнику, побеседовать с ним.

– Может, уже вернулся.

После этого женщины разошлись в разные стороны, договорившись встретиться дома у тети Светы через пару часов.

Василиса отправилась в сторону храма, который как раз отпирал сторож. Он зорко глянул на девушку, но, не усмотрев в ней никакой опасности, подобрел лицом.

– Тебе чего?

– Священника бы повидать.

– Эка хватилась. Он вчера вечером как по делам уехал, так с тех пор и ждем. Не возвращался еще.

– Как же быть, – задумалась Василиса. – Мне с ним поговорить нужно.

– А насчет чего хоть? Если венчание записать или крестины, так это и я могу. Дату выберем, час назначим, а дальше уж отец Иоанн сам разберется, что и к чему. Так что у тебя?

– Я просто поговорить хотела.

– Ну, если просто, тогда жди, покуда не вернется.

– А как долго ждать?

– Обещал к вечеру быть.

Василиса еще немного подумала, а потом спросила:

– А вы не знаете, к вашему священнику какой-нибудь гость не приезжал?

– Какой еще гость? – насторожился сторож.

– Такой... бородатый. С крестом на груди. И вроде как в рясе. Во всяком случае, в черном.

Про рясу она специально придумала, чтобы сторож уверился, что интересующий Василису человек имеет какое-то отношение к церкви.

И сторож попался на уловку.

– Если в рясе, стало быть, священник, – важно подтвердил он. – Но не было у нас никого.

А ты где же его видела?

– У бабушки.

– А кто твоя бабушка?

Василиса ответила. Но сторож был человеком новым, в Карповке он возник одновременно с возводимым в поселке храмом, так что имя старожилки Нины Кузьминичны ровным счетом ничего ему не говорило.

– Не знаю такой, – покачал он головой. – В церковь-то твоя бабушка к нам ходит али как?

– Куда там. До калитки едва доходит.

– Сама бы привела, – укоризненно сказал сторож. – Старому человеку в храме побывать – большая для души польза.

– Она дома молится.

– Дома одни староверы молятся да протестанты. Да и те по воскресеньям вместе собираются.

Сторож еще долго рассуждал, как нужно вести себя людям, чтобы оказаться достойными царствия небесного. Получалось что-то очень уж скучно и мучительно. Надо было все время молиться, поститься, время проводить в размышлениях о Боге или в крайнем случае можно было трудиться, но опять же не ради обогащения или пропитания, а во славу Божию. Жить так, может, для души было и полезно, но вроде как на строгой диете.

Василиса быстро заскучала с таким собеседником. Она бы с радостью удрала, но сторож стоял так, что перегораживал ей выход. Василиса уже поняла, что сторож не видел никакого бородатого мужика от Прохора Кузьмича, а потому потихоньку начала отступать, надеясь как-нибудь улучшить момент и протиснуться мимо сторожа. Но сторож ее телодвижений не понимал. Он относился к породе тех редкостных зануд, которые слышат только самих себя и способны даже самое благое дело превратить в сущую каторгу.

Он стоял в дверях и все зудел и зудел, что молодежь нынче совсем распустилась, что нравы нынче совсем развратные, что молодежь только и думает, что о развлечениях непотребных, а больше ни о чем. От нечего делать Василиса стала разглядывать иконы. Внезапно внимание ее привлекла икона, на которой был изображен маленький, седенький и сгорбленный старичок. Лицо его с каким-то особенным лучистым взглядом было добрым и всепрощающим. Рядом с ним был нарисован большой бурый медведь, доверчиво берущий еду из рук святого.

Василиса внимательно разглядела икону, и святого. А потом перевела взгляд на соседнюю, где в полный рост стоял совсем другой святой – высокий старец с пронзительным и строгим взглядом.

– А почему у этого дедушки крест на груди другой? – спросила Василиса, перебив сторожа на середине фразы.

Тот замер, потом обернулся и глянул на икону, привлекающую к себе внимание девушки.

– Эх ты, невежда, – укорил он ее. – Тут Сергей Радонежский изображен. Слышала о таком?

Василиса на всякий случай кивнула головой. Если сказать правду, что не слышала и не знает, сторож, чего доброго, вновь примется ее просвещать. А у нее времени на его лекцию совсем нет. В том, что лекция будет именно такой, Василиса даже не сомневалась.

– Но крест у него другой, чем у этого.

И она указала на святого с медведем.

– Серафим Саровский уже после церковного раскола жил, потому и крест такой, – отвечал ей сторож. – А Сергей Радонежский еще до Куликовской битвы по всей нашей Святой Руси был известен. Он Дмитрию Донскому победу вымолил, а через это и всей Руси от Мамаю освобождение. А эта битва, голубушка, задолго до Петра Алексеевича прогремела.

– А кресты у них все-таки почему разные? Они же оба наши православные святые?

Сторож взглянул на нее вроде как даже с жалостью.

– Совсем истории не знаешь, да? До Петра одна вера была – старая или староверческая, а после Никон с Петром по-новому книги богослужебные переписали. Ну, многие верующие

от такого дела возмутились. Смута даже была. Но с царем разве поспоришь? Кто с новыми правилами не согласен был, тот преследованиям подвергся.

Но Василиса не сдавалась:

– А кресты-то почему разные?

– Почему-почему, вот заладила! Разные, и все! Говорю же, изменения были сделаны. И в богослужении, и в молитвах, и в крестном знамении. Раньше-то двумя перстами крестились, а после тремя стали – шепотью, во имя Пресвятой Троицы. Ясно тебе теперь?

Но хитрой Василисе, которая затеяла весь этот разговор со одной-единственной целью, уже удалось ловким маневром так развернуть сторожа, подведя к иконам, что он отступил со стратегически важного направления. И теперь уже не сторож, а сама Василиса оказалась возле дверей храма. Никто больше не преграждал ей путь! И торопливо буркнув прощальные слова, она выскочила из храма, только ее волосы, стянутые на затылке в длинный рыжий хвост, и мелькнули перед глазами ошеломленного сторожа.

– Вот ведь bestия, – пробормотал он. – И чего приходила? Эх, одна маета от этих рыжих.

И он занялся своими делами, совсем выбросив из головы странную визитершу.

Глава 4

Зря спешила Василиса. У тети Светы новостей тоже не было. Она напрасно проторчала на остановке. Никто из водителей не мог припомнить, чтобы увозил из Карповки еле стоящую на ногах старушку с рослым бородатым сопровождающим.

– Значит, не уезжали они на автобусах. Больно уж приметные оба, сели бы в автобус, водитель их обязательно бы запомнил.

– Как же они тогда уехали?

– На попутке! Машин-то нынче сколько развелось.

– В темноте стояли и ловили попутку?

Бабушка и днем-то из дома не выходила, что уж там говорить про темное время суток. Не стала бы она так рисковать даже ради какого-то там Прохора Кузьмича.

– Ну, такси вызвали.

Но Василиса как-то сомневалась. Разве не логичней было бы уехать на рассвете? Переночевать, да и в путь. И ведь бабушка звала ее приехать. Прямо говорила, что должна перед отъездом доверить ей некую тайну. Тогда-то Василиса поняла слова бабушки иносказательно, но теперь ясно, что бабушка говорила буквально. Она не помирать собиралась. Она и впрямь собралась в дальний путь, но перед этим хотела повидать Василису и что-то ей передать.

– Почему же уехала, не простившись? Хоть бы записку оставила! Или знак какой.

Василиса пораскинула мозгами. Если тот бородатый мужик силой увез бабушку, надо поискать какие-то следы. Бабушка всегда учила Василису, что против грубой мужской силы у женщины есть оружие, которое каждой дается при рождении, – хитрость.

– Мужчины против нас что дети. Любого, даже самого умного, ты всегда вокруг пальца обвести сумеешь, рыжая ты лиса.

Волосы у Василисы всегда были длинные, густые и рыжие. В школу бабушка заплетала Василисе две неизменные косы, которые доставляли девочке немало хлопот. Чтобы отучить мальчишек дразниться и дергать себя за косы, Василиса даже научилась драться. И отбивалась от мальчишек с таким успехом, что бабушку пару раз вызывали в школу, подумать только, за драку, которую ее внучка учинила с кем-нибудь из мальчишек! И хорошо, что всегда рядом с Василисой была ее верная подруга Анька.

Вот те на! Стоило Василисе подумать про Аньку, как та сама возникла на пороге.

– Ты приехала!

– Привет!

Девушки кинулись в объятия друг друга. Василиса была не только обрадована, но и несколько смущена. Почему? Ну, когда-то Василиса подавала большие надежды. Училась на одни пятерки. А Анька еле-еле тянула на тройки-четверки, редкие пятерки в ее дневнике всегда были личной заслугой Василисы. И, в отличие от подруги, Анька из Карповки не уехала, замуж вышла за местного паренька.

И какое-то время Василиса считала, что здорово обошла подружку. Она-то в Питере, а Анька застряла в Карповке. Но время шло, и как-то постепенно оказалось, что вперед вырвалась именно тихая Анька. И дом они с мужем построили красивый, двухэтажный, и с достатком все было в порядке, и в семье подрастало уже двое малышей – мальчик и девочка. А у Василисы до сих пор не было ни собственного угла, ни ребенка, ни даже мужа приличного.

Но Аньку она все равно была искренне рада видеть. А уж Анька и вовсе по простоте душевной не скрывала своих чувств. Она и визжала, и обнимала, и целовала Василису.

– Почему о приезде-то не сообщила?

Василиса объяснила, как получилось, что она оказалась в Карповке, и Анька притихла.

– Впервые слышу, чтобы Нина Кузьминична куда-то собиралась ехать.

– То-то и оно, да вот исчезла. И где искать ее, не представляю.

Анька одобрила намерение Василисы обыскать все в надежде обнаружить какое-нибудь указание от бабушки.

– Потому что, если мужик этот увез твою бабушку против ее воли, она обязательно должна была оставить тебе указание, где ее искать. И оставить в таком месте, где этот гад бы нипочем не догадался его искать!

– В доме я уже вроде все осмотрела. Только обрывок какого-то письма. Но почерк явно не бабушкин.

– А в сарае? В бане? В дровнике? В туалете, наконец? Всюду смотрели?

Тетя Света с Василисой были вынуждены признать, что схалтурили и осмотрели только дом. А ведь, как у всякого уважающего себя собственника, у бабушки на участке стояла еще масса хозяйственных пристроек. Тут тебе и курятник, и коптильня, и амбарчик с многочисленными припасами. И погреб с картошкой. И еще много чего, куда Василиса пока не заглядывала.

Анька загорелась осмотреть все, где бабушка могла оставить какой-нибудь знак.

– Ты, мама, тоже с нами иди. Ты с Ниной Кузьминичной каждый день общалась. Лучше можешь сказать, что и где она могла спрятать.

– Начнем от калитки.

К этому времени уже совсем рассвело. И к своему удивлению, у калитки, помимо следов самой Василисы и тети Светы, женщины сразу обнаружили несколько мужских следов. Все они были свежими.

– Сколько же их тут топталось? Двое? Трое?

– Одна подошва в рубчик. Вторая вроде как в крестик. А на третьей и не поймешь, какой рисунок, совсем стертая.

– Может, это бабушкина подметка? Она любит все донашивать, пока не развалится.

– А размер-то, посмотри, какой! Бабушка тридцать седьмой носила, к старости на тридцать восьмой перешла, чтобы с носком обувь надевать, ноги у нее мерзнут. А тут не меньше сорок второго. Это мужские следы!

– А бабушкиных следов вроде как и нет, – растерянно произнесла Василиса.

– Затоптали, наверно.

Женщины насчитали как минимум три комплекта мужских следов и очень этому удивились. Откуда у пожилой пенсионерки столько посетителей мужского пола?

– Ладно, один бородатый. А остальные кто?

Бабушка Василисы вела жизнь крайне уединенную. Было у нее когда-то несколько приятельниц, не очень близких, но все же. Да все они к настоящему времени уже померли. А уж с мужчинами бабушка и вовсе никаких дел не имела. И вдруг такой наплыв.

– Теперь у ворот посмотрим.

У ворот оказалось еще интереснее. Нет, внутри, во дворе, ничего стоящего не наблюдалось. Зато на улице женщины обнаружили колею от машины, которая, судя по свежему следу, побывала тут совсем недавно. Не позднее минувшей ночи.

– Тетя Света, ты, когда вчера вечером от бабушки уходила, машину эту видела?

– Нет. Но это такси могло быть, на котором бородатый приехал. Таксист пассажира высадил и дальше уехал. Хотя я в доме была, а звука подъехавшей машины не слышала.

– И ты же говорила, что он на автобусе прикатил, – вспомнила Василиса.

– Разве?

– Ну да. Еще сказала, что у него на автовокзале драка с каким-то мужиком случилась. Он ему нос и ребра сломал, пока автобуса ждал.

– И что?

– Раз автобуса ждал, значит, на нем потом и поехал.

Тетя Света пожала плечами.

– Может, не на прямой автобус сел. Если до Бердяева, то оттуда на такси добираться. А может, и вовсе не стал своего автобуса дожидаться. Подрался – и решил сваливать от греха подальше. Лично я на его месте так бы и поступила. На вокзалах всегда ментов полно, могли замести за драку. Небось, быстренько с каким-нибудь таксистом договорился, их там много крутится. На такси сел и поехал в Карповку. А машину я могла не слышать, потому что окна закрыты, телевизор включен, да еще я на кухню выходила, а там окна во двор выходят, ничего с улицы не слышно.

Такой вариант нельзя было отбрасывать. Но при более внимательном обследовании стало ясно, что машина простояла у дома не один час. Справа со стороны водительского кресла на земле валялось несколько свежих окурков, то есть кто-то сидел в машине, курил и ждал, когда из дома вернутся его товарищи.

– Точно машины не было, когда ты уходила от бабушки?

– Точно! Уж машину бы я заметила.

Василиса задумчиво покачала головой.

– А я, когда под утро приехала, видела тут колымагу.

– Что же ты молчала!

– Только она не тут, у ворот, а чуть дальше по улице стояла.

– А как она выглядела?

– Я толком не разглядела. Какая-то «пятерка» или вообще «копейка».

– А цвет?

– Цвет я вообще не разобрала. Темно же было. Мне показалось, темно-зеленая или темно-синяя. Но могла быть и темно-серой или вовсе коричневой.

– Посмотрите сюда, – позвала тем временем Анька к следам машины. И когда они подошли, сказала: – Бородатый с крестом на пузе, которого мама видела, приехал на этой машине или кто другой, но глядите, те следы, которые мы нашли у калитки, идут туда как раз от этой машины.

Две пары действительно следов шли от машины к калитке, а вот третья пара приблизилась совсем с другой стороны.

– Это получается уже четверо мужчин! – воскликнула тетя Света. – Двое приехали на машине, один пришел пешком.

– И еще один, который прикатил с первыми двумя, но остался сидеть за рулем и курить.

Всем стало как-то не по себе от такого оживленного движения на обычно тихом бабушкином участке. Что было нужно всем этим людям? И куда делась бабушка?

– Пошли дальше посмотрим.

И женщины принялись бродить по участку, внимательно глядя и под ноги, и по сторонам. Анька, та даже задирала голову, словно надеясь, что бабушка оставила какой-нибудь знак на ветках старых разросшихся яблонь и слив. Но ничего кроме старой тряпки, занесенной сюда ветром и запутавшейся в ветках, не увидела.

На всякий случай Анька подцепила эту тряпку палкой и сбросила на землю. И тут же закричала:

– Идите сюда!

Найденная вещь оказалась не просто тряпкой. Это была мужская куртка, порядком потрепанная, испачканная в грязи и помятая. Тетя Света неожиданно сильно заинтересовалась.

– Дайте-ка мне получше рассмотреть.

И внимательно осмотрев находку, заявила:

– Похожа на ту, что была на нашем бородатом, когда он вошел к Нине Кузьминичне в дом.

– И как же его куртка могла оказаться на дереве?

Это было очень странно. Но все-таки не более странно, чем исчезновение бабушки. Больше ничего интересного найти на участке не удалось. Земля тут была почти всюду покрыта

дерном, на котором разглядеть какие-либо следы было невозможно. Женщины по очереди осмотрели баню, блок хозяйственных построек вместе с летним туалетом.

– Ничего нет.

Оставалось одно-единственное место, куда женщины пока не заглядывали. Это был сарайчик, в котором хранилась всякая бытовая утварь, которой не нашлось места в доме. Сарайчик был крепким строением, его поставили уже на памяти Василисы, он был моложе дома и сохранился лучше. Когда-то бабушка планировала пускать летом дачников, чтобы немного подзаработать для себя и внучки, и поэтому поставила домик. Но наплыва желающих поселиться в дощатой временке так и не случилось. За все время у них останавливалось два или три постояльца, и ни один из них не вернулся на следующий год. Видимо, местных красот было все же недостаточно, чтобы компенсировать отсутствие бытовых удобств.

– Закрывает сарайчик-то, – заметила тетя Света. – Замок висит.

– Все равно. Зайдем!

Тетя Света сходила в дом за ключами, но обратно вернулась с обескураженным видом.

– Нет ключа.

– Ты хорошо смотрела?

– Всегда на одном и том же месте висели все ключи. И от сарая там же. На крючке у двери. А сейчас ключи от дома на месте, а от сарая нет.

И мать, и дочь вопросительно глянули на Василису. Та поняла их немой вопрос и командовала:

– Будем ломать!

– Ты хорошо подумала?

– Да! Если бабушка оставила в сарае какую-нибудь подсказку, то и дверь могла запереть, чтобы не вызвать подозрений у гостя.

Тетя Света пожала плечами.

– Ты тут хозяйка, тебе и распоряжаться. Но учти, если бабушка будет возмущаться, я тебя прикрывать не стану.

Но именно тетя Света сбегала в дом на этот раз за топором. И вернувшись, отодвинула девушек подальше, размахнулась и обрушила тяжелый обух на дужку замка.

– Кр-рак!

И замок отвалился.

– Блямс!

Тетя Света, необычайно гордая тем, что ей удалось справиться с одного удара, распахнула дверь перед Василисой.

– Пожалуйте!

Но Василиса мешкала. Сильная робость ни с того ни с сего охватила ее.

– Долго стоять будешь? – прикрикнула на нее тетя Света.

И видя, что девушка по-прежнему не двигается с места, шагнула вперед.

– Сама осмотри. Ох, жизнь-то какая! Все сама да сама и помочь-то не...

Договорить свою тираду она не успела. Внезапно из сарая раздался жуткий вопль, от которого стоявшие снаружи Анька с Василисой дружно подпрыгнули на месте и затряслись от страха.

– Мама! Что с тобой?

Но тетя Света не отвечала. Она продолжала вопить не своим голосом. Анька бросилась в сарай, Василиса за ней. Тетя Света стояла всего в паре шагов от входа, уставившись на что-то, висящее под потолком, и орала благим матом.

В сарайчике было темно из-за прикрытых оконных ставен, света явно не хватало, чтобы рассмотреть, что там болтается. Но когда Василиса щелкнула выключателем, всем стало видно, что под потолком висит человек.

– Ой-ой-ой! – Тетя Света наконец перестала голосить и только тихо причитала. – Что же это такое? Господи!

Василиса не могла двинуться с места. От страха ее буквально парализовало. А вот Анька оказалась не робкого десятка, она всегда была боевой, даром что ростом не вышла. Анька шагнула поближе и деловито отчиталась об увиденном:

– Мужик висит на балке. Мертвый.

– Он... он не дышит?

– Конечно, не дышит! Да идите посмотрите сами.

Но поскольку тетя Света продолжала причитать, а у Василисы словно ноги приросли к земле, Анька повысила голос:

– Да идите сюда! Не бойтесь, не укусит он вас.

И все же прошло не меньше пяти минут, прежде чем ей удалось уговорить мать подойти к ней на пару шагов. Тетя Света осмотрела покойника, который продолжал тихо раскачиваться под потолком, и сказала:

– Похоже, тот самый, что приходил к Нине Кузьминичне вчера вечером. Тоже с бородой. И одет похоже.

– Креста на нем нет.

– Он это.

– Как же он тут очутился?

Вопрос был не в бровь, а в глаз. Действительно, как?

– Сам он сюда прийти не мог.

– Почему не мог? Запросто мог. Вот закрыть снаружи дверь – это уже вряд ли. А прийти очень даже мог.

– И... и что с ним случилось?

– Не видишь? Повесился.

– Сам?

– Конечно, сам.

Анька покачала головой.

– Этот тип, что, специально приехал за сотни километров, чтобы повеситься в сарае у Васькиной бабушки? Поближе места было не найти?

– Мало ли какие у людей причуды случаются. Надо его снять.

Но Василиса запротестовала.

– Ни в коем случае!

– Предлагаешь его так и оставить? – с сомнением взглянула на нее тетя Света. – Я бы тебе не советовала. Была бы еще зима, тогда ладно. А так тепло уже днем, подванивать скоро начнет.

– Пусть его полицейские вытаскивают.

– Полицейские?

Но Анька поддержала подругу:

– Да, без полиции тут не обойтись.

На том и порешили. Тетя Света осталась караулить покойника возле сарайчика, а Василиса с Анькой побежали в отделение, потому что добежать было проще и быстрее, чем дозвониться до этих бездельников.

Когда полицейские увидели Василису, с которой они так славно распрощались всего несколько часов назад, они ничуть не обрадовались. Было видно, что им очень хочется, чтобы их оставили в покое и не мешали травить байки и анекдоты.

Один с нескрываемой надеждой спросил:

– Ну что? Пришли сказать, что нашли свою бабушку?

– Нет. Бабушку мы не нашли. Кое-что другое нашли.

Голос Василисы звучал торжественно.

– Вас это должно сильно заинтересовать, – добавила Анька.

Но полицейские сделали вид, что пропустили и торжественность Василисы и слова Аньки мимо ушей. Да не на тех напали. Полицейские были пришлыми, в местной школе не учились, поэтому и не знали характера Аньки.

– А ну встать! – рявкнула она. – Труп у нас! Мужик в сарае повесился!

Полицейские переглядывались, словно это относилось вовсе не к ним.

– Хорошо прикалываться, девчата. Идите себе домой. Вернется ваша бабка, никуда не денется. Кому нужна старуха? Рано или поздно объявится сама.

– Вы не поняли? У бабушки в доме мертвец.

Только теперь полицейские проявили первые признаки волнения.

– Не первое апреля, красавицы.

– За такие шуточки можно и в каталажку угодить.

– Мы не шутим. Пойдемте, сами увидите.

Полицейские снова переглянулись. Но вставать не спешили. Лень.

– Так что, у вас там и впрямь мертвец?

– Мертвее не бывает. Пошли! Ну, пошли скорее! Мы не шутим.

Но полицейские и тут не стали торопиться, резонно возразив, что, если человек уже умер, хуже ему не станет. А потому и спешить нечего. Действовать нужно обстоятельно и с умом. Поэтому с подругами отправился лишь один из всей компании, а двое других договорились, что подождут его в отделе. И если все так, как утверждают свидетельницы, они тоже подтянутся.

Разумеется, мужик из сарая никуда не делся. Тетя Света несла караул и с облегчением вскрикнула при виде девушек, возвращающихся в компании полицейского.

– Ну, наконец-то! А чего так долго?

Тут до нее дошло, что полицейский всего один, и она возмутилась еще громче:

– А где остальные? Одному тут нипочем не справиться!

Но остальные подтянулись лишь через полчаса. Потом так же неторопливо подъехали криминалисты, за которыми вообще пришлось посылать в район, откуда они добирались несколько часов. В общем, к обеду несчастного наконец-то сумели извлечь из петли, а место происшествия осмотрели, сфотографировали и опечатали. После этого перешли к допросу свидетельниц. Тоже очень не спеша и вроде как с одолжением.

Увы, ни Василиса, ни Анька ничем интересным порадовать полицейских не смогли. Чуть лучше обстояли дела с тетей Светой, но и она могла сказать лишь то, что уже рассказывала девушкам. Разумеется, столь скудные сведения полицейских не удовлетворили. К этому времени уже прибыл следователь по фамилии Шурыгин. С его появлением происходящее наконец-то начало приобретать очертания расследования.

Шурыгину на вид было лет тридцать – тридцать пять. Глаза горели умеренным азартом. И чувствовалось, что он еще не вполне оставил попытки пробиться в этой жизни посредством служебного рвения.

– Ни документов при покойнике не обнаружено, ни личных вещей, – озабоченно произнес Шурыгин. – Такое впечатление, что кто-то хорошо пошарил у него по карманам и забрал все, что могло бы пролить свет, кто он и откуда прибыл. И это очень жаль.

И обратившись к тете Свете, следователь спросил:

– А вы что-нибудь знаете?

– Нет, сам он на этот счет ничего при мне не говорил.

– Он был один?

– Да.

– И когда вы уходили, дома оставались лишь старушка-хозяйка и ее гость?

– Да.

– И больше никого?

– Я никого не видела.

– Тем не менее был кто-то еще.

– Да. Мы нашли следы каких-то мужчин.

Шурыгин тем временем продолжал:

– Этот человек не сам повесился. Ему помогли оказаться в петле.

Тетя Света охнула.

– Его что... повесили? Как вы узнали?

– Ряд особенностей указывает именно на это.

– Почему же он не сопротивлялся? Не кричал? Не звал на помощь?

– А вы ничего такого прошлой ночью не слышали? Дома-то ваши по соседству стоят.

Тетя Света задумалась.

– Нет. Не слышала я криков. Дома наши с Ниной Кузьминичной и впрямь рядом. И экстренная связь протянута. Но старушка мне не звонила.

Полицейские уже осмотрели веревку, которая тянулась от дома Нины Кузьминичны к дому тети Светы. Связь была в полном порядке, работала исправно. Но прошлым вечером бабушка Василисы соседке, несмотря на происходящие в ее доме страшные события, не звонила и о помощи не просила.

– Это не такая уж загадка. Существует вероятность, что пострадавшего сперва оглушили, а уже потом в бессознательном состоянии повесили.

– А... а Нину Кузьминичну?

– Ее тоже оглушили, а потом в бессознательном состоянии вынесли из дома. Кстати говоря, это объясняет отсутствие следов самой хозяйки возле калитки.

– Но кто мог такое совершить?

– Вот это мы и должны выяснить.

С этими словами полицейские уставились на тетю Свету.

– Говорите, дружны были с хозяйкой? Но этого человека увидели вчера впервые?

Тетя Света поклялась, что никогда прежде не видела этого человека и даже не слышала про него.

– Понятия не имею, кто бы это мог быть.

– Но соседка ваша была рада его видеть?

– Мне так показалось.

– Не могла она притворяться?

– Если вы намекаете, что Нина Кузьминична могла повесить такого детину, то нет. У нее силенок хватало ровно на то, чтобы дойти от крылечка и до калитки. Назад она уже с трудом плелась.

– Никто и не говорит, что старушка сама справилась с этим мужчиной. Но вот вы... Вы производите впечатление физически крепкой женщины.

– Спасибо за комплимент, – отозвалась тетя Света, еще не подозревая, куда ветер дует. – На здоровье и впрямь не жалуюсь. Только при чем тут я?

– Что вы делали вчера вечером с того момента, когда, как вы уверяете, ушли от вашей соседки?

– Что значит, как я уверяю? – насторожилась тетя Света. – Я и правда ушла. Она меня выставила!

– И что вы делали дальше?

– К священнику сбегала. Это заняло у меня минут пятнадцать.

– Ну, а потом?

– Телевизор смотрела.

– Кто это может подтвердить?

– Никто. Я в данный момент не замужем.

И тетя Света игриво стрельнула глазами в сторону полицейского постарше. Он не отреагировал, и тетя Света продолжила уже куда более уныло:

– Одна я живу. Дети выросли, разъехались кто куда. Кто учится, кто работает, старшая дочь замуж вышла, своим домом живут.

– Значит, вы были одна и никто не может подтвердить ваше алиби?

Тетя Света развела руками.

– А на кой мне нужно это ваше алиби?

– Произошло убийство. Мы обязаны проверять всех, кто так или иначе связан с этим делом.

Голос полицейского звучал сурово, но так как предъявить тете Свете им было нечего, они ее еще немножко помучили, но в конце концов отпустили, к радости Аньки и Василисы, которые все это время преданно дожидались тетю Свету в коридоре и через тонкие стены отделения слышали весь разговор.

– Ох, детоньки, – прошептала тетя Света, когда они втроем вышли из отделения. – Страху-то я натерпелась. Ну как меня арестуют?

– Не имеют права. Ты же ничего не сделала!

– Не сделала, а им-то что? Им надо кого-то арестовать, вот меня и арестуют.

Василиса нахмурилась.

– Надо отыскать бабушку. Не знаю, куда она подевалась, но, помимо всего прочего, она теперь единственная свидетельница того, что прошлой ночью произошло в ее доме.

Тетя Света жалобно всхлипнула.

– Если она еще жива, свидетельница-то наша. Прости, Василиса, но лучше я тебе прямо скажу. Следователь считает, что бородатого этого убили. Ночью там был убийца, а возможно, и двое. В результате мы имеем один труп и одну пропавшую старушку. Вряд ли преступники станут церемониться с Ниной Кузьминичной больше, чем с бородатым.

Василиса побледнела. Но Анька закричала:

– Глупости! Хотели бы убить Нину Кузьминичну, ночью бы в собственном доме и убили. Далеко бы не пошли. С бородатым они прямо там расправились, а бабушку забрали. Да еще и одели.

– Ага! Боты, в которых только по грядкам шлепать, и зимнее пальто.

– Все равно! О ней позаботились. Как умели, так и позаботились. Значит, она им для чего-то нужна.

Возразить было нечего. Да тетя Света и не собиралась.

– Сама хочу, чтобы бабушка цела и невредима нашлась.

Полицейские теперь относились к исчезновению старушки совсем иначе, чем несколько часов назад. Труп бородатого чужака в петле сразу всех взбодрил в полицейском отделе Карповки. Теперь сотрудники жаждали броситься на поиски Нины Кузьминичны всем составом. Но тетя Света все равно им не доверяла.

– Следователю лишь бы кого-нибудь посадить. Хотя бы даже меня.

Василиса, которая сосредоточенно о чем-то думала, произнесла:

– Хорошо бы выяснить, что за человек был этот бородатый. Откуда он прибыл?

– Да, полиция это тоже хочет знать. Только как же это выяснишь, коли при нем никаких документов нет.

Но Василиса хлопнула себя по лбу.

– Ах, мы глупые! Куртка! Куртка с яблони! Откуда она там взялась? Вдруг это как раз и есть куртка бородатого?

– Верно. Его куртка!

– Как же мы про нее забыли!

– Бежим! Надо в ней посмотреть!

И все три женщины резвой рысью поспешили к дому старушки. Он был опечатан, но это их не смутило. Василиса перемахнула через низенький заборчик, отделяющий участок тети Светы от участка бабушки. Сняв куртку с яблони, она небрежно кинула ее под навесом, где у бабушки хранился инструмент для работы по саду – лейки и лопаты, а также старая одежда, в которой так удобно копать в земле.

Несмотря на возраст и немощность, бабушка каждый год сажала две-три грядки с зеленью, морковкой и луком. И парничок держала. Конечно, грядки ей копала по весне тетя Света, да и парничок был совсем крохотный, но все же определенных забот они требовали. И цветочные клумбы у бабушки были. По мере сил старушка старалась за ними ухаживать.

Так что еще одна грязная и мятая куртка в грудке такой же старой одежды полицейских не заинтересовала. Они же не знали, откуда она взялась. А женщины были слишком подавлены и шокированы, чтобы вспомнить о куртке и сообщить полицейским подробности ее появления.

Вопроса, почему в прохладную весеннюю ночь потерпевший оказался в сарае без теплой верхней одежды, у полицейских не возникло. В доме у бабушки они нашли сумку с мужскими вещами, среди которых была и куртка. Видимо, бородатый прибыл издалека. И с собой у него было две куртки – одна полегче, другая потеплей. Одна оказалась на ветках, другая осталась в дорожной сумке.

Полицейские обнаружили ту, что была потеплей, на этом и успокоились. То, что у потерпевшего могло быть при себе две куртки, им и в голову не пришло.

– И очень хорошо, что так получилось, – радовались женщины.

Теперь они сами первые все осматривают.

– Вот она!

И Василиса с торжеством помахала своей добычей.

– Тащи ее сюда!

Женщины отнесли куртку в дом к тете Свете, положили на круглый стол, который стоял в центре комнаты, и зажгли все семь рожков на огромной люстре. Еще ни одна мятая и грязная куртка в мире не достаивалась к себе такого внимания.

Глава 5

Женщины долго стояли и смотрели на куртку. Никто из троих не решался сунуться к ней первым.

– Так и будем стоять?

– Разворачивай, коли такая смелая.

– Перчатки есть?

– Зачем тебе перчатки?

– Чтобы своих следов ДНК не оставлять.

– Ты же ее так принесла, значит, следы ДНК уже остались.

– А осматривать в перчатках хочу. Вон они как за тетю Свету взялись. Я не хочу, чтобы они обнаружили на куртке мои следы и заявили, что я тоже имею какое-то отношение к убийству бородатого.

Надев перчатки не столько из соображений конфиденциальности, сколько потому, что ей было противно дотрагиваться до грязной влажной ткани, Василиса стала шарить по карманам. В первом же она обнаружила увесистый пакет, в котором оказалась толстенькая пачка денег, тысяч сорок-пятьдесят, не меньше.

– Богатенький Буратино.

– Человек в дорогу отправился. Должен был взять денег с собой.

Кроме денег, в куртке нашелся также нательный крест с цепочкой. Он был сделан из какого-то серебристого металла, предположительно из серебра, хотя пробы на нем не нашлось. Но зато он был украшен красивой сканью с цветной эмалью. Крест выглядел старинным, наверное, таковым и был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.